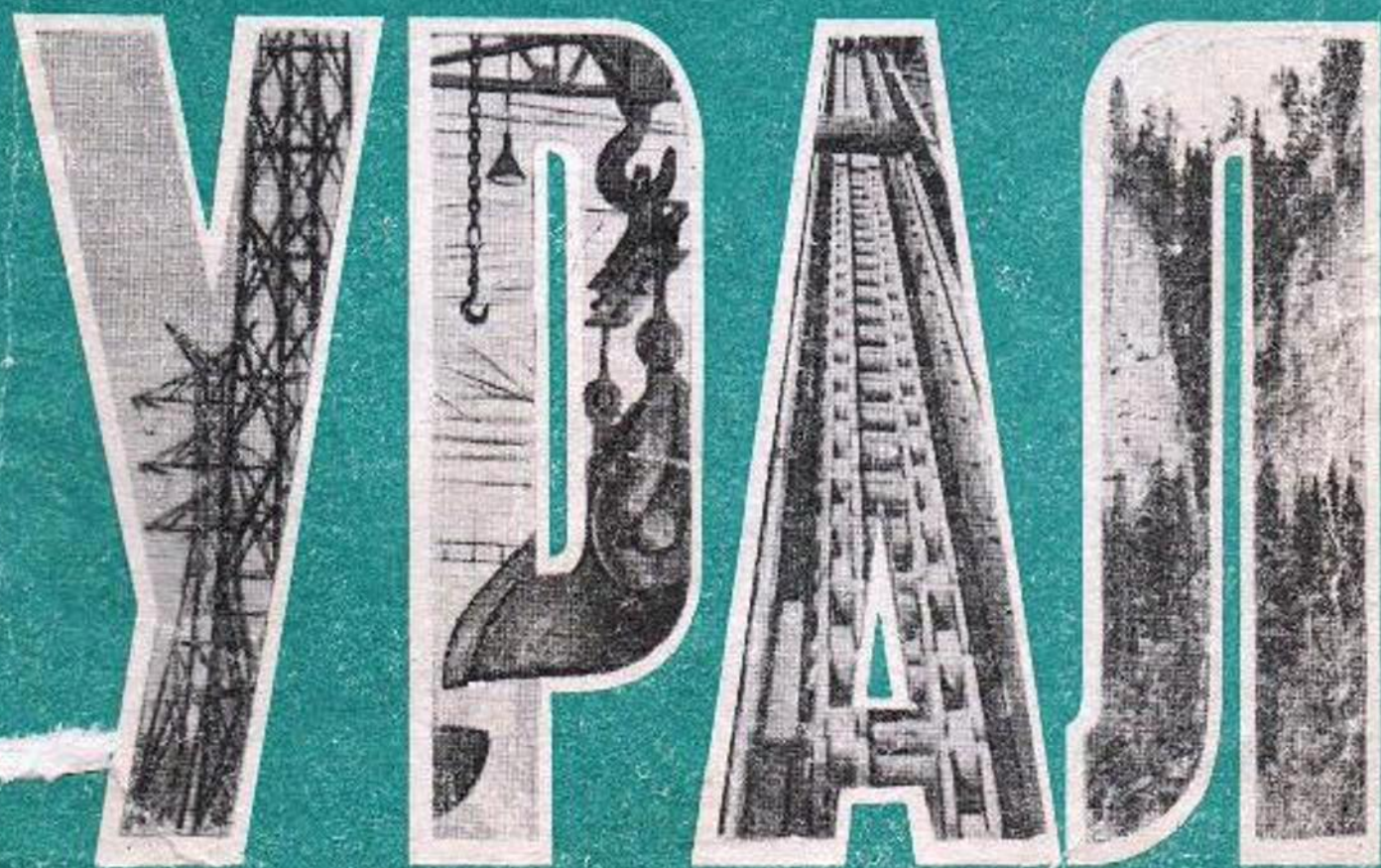

05
4-68

2

1971

В НОМЕРЕ

Рассказы

Николая НОВОСЕЛОВА
Николая СТРУДЗИНСКОГО

Стихи

Игоря ЛАШКОВА
Николая ДОМОВИТОВА
Владимира РАДКЕВИЧА
Бориса МИХАЙЛОВА
Бронислава СПРИНЧАНА

Повесть Владислава НИКОЛАЕВА

ЗВЕРОБОИ

Окончание

П. КУЗОВЛЕВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Г. ШЕБУЕВ, нар. артист РСФСР
ПО ТЕАТРАМ УРАЛА

ЮМОР И САТИРА

УРАЛ

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
литературно-художественный
и общественно-политический

Ж У Р Н А Л

СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
Свердловская, Челябинская,
Пермская, Башкирская, Удму-
ртская, Тюменская, Курган-
ская и Оренбургская писатель-
ские организации

Год издания четырнадцатый

2

ФЕВРАЛЬ

1 9 7 1

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ книжное издательство, СВЕРДЛОВСК

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. Н. А. ВУКОЛА

2. МАСКА ПУШКИНА В ОРЕНБУРГСКОМ МУЗЕЕ

29 января (ст. стиля) 1837 года в Петербурге скончался великий поэт России А. С. Пушкин. В тот же день, по просьбе друзей поэта, известный тогдашний скульптор С. И. Гальберг и мастер-формовщик Академии художеств Балин сняли гипсовый слепок с лица Пушкина, а с полученной формы отлили около 15 гипсовых масок. Все они были розданы В. А. Жуковским родным и друзьям поэта. Судя по исследованиям пушкинистов, гипсовые маски первого отлива получили, кроме В. А. Жуковского, отец А. С. Пушкина — Сергей Львович, К. К. Дензас — товарищ по лицу и секундант со стороны Пушкина на дуэли с Дантесом, друг поэта П. В. Нащокин, писатели Е. А. Баратынский, Н. И. Любимов, М. П. Погодин, С. П. Шевырев и другие. Потом эти гипсовые маски перешли во вторые и третьи руки.

Сейчас масок первого отлива с формы, снятой С. И. Гальбергом и Балиным, известно всего четыре экземпляра. Две из них хранятся во Всесоюзном Пушкинском музее в Ленинграде, третья — в научной библиотеке Тартуского университета (Эстонская ССР) и, наконец, четвертая — в Оренбургском областном краеведческом музее.

Эти маски сохранили черты лица поэта.

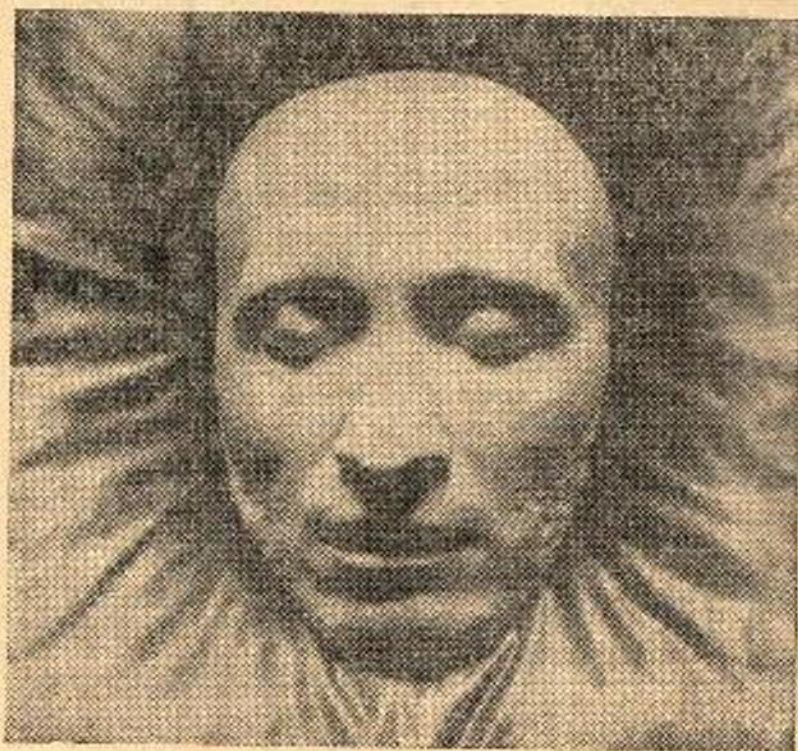
В. А. Жуковский, присутствовавший при кончине А. С. Пушкина, писал:

«Когда все ушли, я сел перед ним и долго, один, смотрел ему в лицо... К счастью, я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску; это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться».

Маски имеют огромное значение для художников и скульпторов при воссоздании образа великого поэта. Л. П. Февчук, автор исследования «Первые скульптурные изображения Пушкина», пишет: «Посмертная гипсовая маска Пушкина, снятая с него в день смерти, дает представление об облике поэта в последние годы его жизни и сохраняет непреходящее значение первоисточника для последующей иконографии».

Естественно, возникает вопрос, каким образом гипсовая маска Пушкина попала из Петербурга в Оренбург, в город, куда поэт совершил свое путешествие осенью 1833 года, чтобы познакомиться с местами, где проходили события восстания Е. Пугачева, и услышать рассказы и предания его участников и современников.

В 1899 году вся Россия торжественно отмечала столетие со дня рождения А. С. Пушкина. Оренбургское ученое общество — Оренбургская ученая архивная комиссия приняла самое деятельное участие в организации празднования. В начале года через

местную газету «Оренбургский листок» она обратилась «ко всем, кому дорога память великого русского поэта А. С. Пушкина, с покорнейшею просьбой сообщить в ученую архивную комиссию устные предания, записи и литературные произведения, в которых упоминается о времени пребывания А. С. Пушкина в Оренбурге».

Но еще до появления этого обращения в газете (в первый раз оно было опубликовано 28 февраля 1899 года), вероятно, в январе или, быть может, еще раньше, член архивной комиссии оренбуржец Дмитрий Николаевич Соколов передал в музей комиссии гипсовую маску Пушкина, ту самую, которая ныне хранится и экспонируется в нашей экспозиции. В инвентарных книгах музея нет никаких сведений ни о происхождении маски, ни о том, как она попала в руки Д. Н. Соколова. Сохранилась лишь старая, дореволюционная печатная этикетка к маске. В ней указывается, что она — «редкий экземпляр, один из трех существующих» и что это — «собственность члена Оренбургской ученой архивной комиссии Д. Н. Соколова».

Кто же он все-таки был, хозяин маски?

Обратимся к его биографии. Может, она даст необходимое объяснение.

Д. Н. Соколов (1867—1919 гг.), по свидетельству С. Неуструева, оренбургский дворянин, окончивший физико-математический факультет Московского университета в 1891 году, посвятил себя изучению Оренбургского края. Он стал видным и разносторонним ученым — историком, этнографом, географом и геологом. Особенно большое внимание уделил изучению геологии Оренбургской губернии. В 1905 году Соколов был избран геологом-сотрудником геологического комитета. Автор 65 научных работ, Д. Н. Соколов глубоко интересовался творчеством Пушкина и его приездом в Оренбург. Причем опубликовал даже несколько статей о поэте и небольшое исследование «Пушкин в Оренбурге».

Как видите, и биографические данные на наш вопрос не отвечают.

Мы решили подойти к выяснению истины с другого конца.

Оренбургская ученая архивная комиссия издавала свои «Труды». В них, кроме работ членов комиссии, регулярно публиковались протоколы ее заседаний, списки экспонатов, поступивших в музей, и годовые отчеты о работе.

Быть может, в протоколы или отчеты попали какие-то сведения о маске?

Просматриваем выпуск VI, содержащий отчет и протоколы за 1899 год — год юбилея А. С. Пушкина. Наше внимание останавливают несколько строк протокола заседания комиссии от 8 февраля 1899 года, на котором также обсуждался вопрос об участии комиссии в праздновании 100-летия со дня рождения поэта. Комиссия постановила издать сборник «Пушкин в Оренбурге», приложить к нему фотографию «гипсовой маски» и «спросить Д. Н. Соколова об истории маски Пушкина, данной им в музей».

Был ли сделан запрос Д. Н. Соколову (в то время Д. Н. Соколов жил в селе Ташле, будучи земским начальником 2-го участка Оренбургского уезда) и получили ли от него ответ?

Просматриваем последующие протоколы. В записи от 15 марта 1899 года читаем: «Заслушано отношение земского начальника 2-го участка Оренбургского уезда... о том, что сведения о маске А. С. Пушкина, хранящейся в музее, напечатаны в февральской книге «Исторического вестника» за 1897 год».

Заказываем книжку через межбиблиотечный абонемент из Государственной публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Быстро пробегаем оглавление указанного номера. В нем ничего нет о маске Пушкина! Очевидно, или в протокол архивной комиссии вкралась ошибка, или сам Д. Н. Соколов запомнил точные данные.

В фондах Оренбургского областного архива хранятся разрозненные комплекты «Исторического вестника» за разные годы. Есть и отдельные номера за 1896 год. Берем февральский номер. В разделе «Заметки и поправки» значится: Д. С.-ов, «Маска Пушкина».

Заметка с десяток строк.

Автор ее, Д. С.-ов, то есть Д. Н. Соколов, сообщает, что из газет и журналов он узнал о двух гипсовых масках Пушкина: одной — хранящейся в библиотеке Юрьевского (ныне Тартуского) университета, и второй — демонстрировавшейся на Пушкинской выставке. Далее автор пишет: «Считаю не лишним указать на существование третьего экземпляра. Этот экземпляр, приобретенный моим дедом (умер в 1845 г.), находится у меня и сохранился хорошо, только гипс потемнел с наружной стороны и кое-где есть мелкие царапины. Судя по описанию, он сходен с юрьевским...»

А кто же был дед Д. Н. Соколова?

Снова наводим справки в Оренбургском областном архиве.

Д. Н. Соколов принадлежал к числу оренбургских дворян. Русское дворянство имело свою сословную организацию — дворянское депутатское собрание, выборный орган, который вел учет дворянства, вел так называемые дворянские родословные книги, делопроизводство по приему в дворянское сословие и т. д. И оренбургский архив хранит значительное число дел дворянского депутатского собрания.

Внимательно просматриваем опись дел 38-го фонда оренбургского архива. Оказывается, что оренбургских дворян по фамилии Соколовы было несколько. Вот дело о внесении в дворянскую родословную книгу Николая Александровича Соколова, дру-

гого — Зиновия Александровича Соколова и еще одного Соколова... Но все они не имеют никакого отношения к Д. Н. Соколову, к его отцу или деду. Наконец последнее дело, за № 441: «Прошение коллежского асессора Ивана Артемьевича Соколова о внесении его в дворянскую родословную книгу». Просматриваем лист за листом. Удача! Последние листы дела содержат прошение Д. Н. Соколова о зачислении в дворянскую родословную книгу его детей. Да, тот самый!

Сохранившиеся документы позволяют выяснить некоторые биографические данные об И. А. Соколове. В деле сохранился «Формулярный список о службе и достоинстве линейного Оренбургского батальона № 2 штаб-лекаря коллежского асессора Соколова». Из документа видно, что И. А. Соколов не был дворянином. Он был выходцем из «духовного сословия» и окончил «курс врачебных наук» в Московском университете в 1822 году. За написание специальной медицинской работы в том же году получил благодарность от университета. В 1823 году держал при университете экзамен на звание акушера и в том же году был назначен «лекарем», то есть врачом, в Оренбург, в конно-артиллерийские роты № 10 и 11 Оренбургского казачьего войска. В 1825 году Медицинский департамент перевел его в оренбургский военный госпиталь ординатором. В 1826 году Министерство внутренних дел присвоило И. А. Соколову звание «штаб-лекаря». С 24 ноября 1830 года, одновременно с исполнением основной должности, он был врачом в Оренбургском Неплюевском военном училище. В 1832 году Медицинский департамент вновь перевел его в Оренбургский линейный батальон № 2.

В Оренбурге И. А. Соколов «за отлично усердную и ревностную службу», как значится в формулярном списке, был награжден золотыми часами, бриллиантовым перстнем, орденом Анны 3-й степени и в 1830 году произведен в чин коллежского асессора.

Чин коллежского асессора и орден Анны 3-й степени предоставляли ему право на получение дворянского звания.

18 марта 1836 года Оренбургское дворянское депутатское собрание постановило «внести его в дворянскую родословную книгу, в третью часть, дать грамоту и по стоящему за ним имению причислить в дворянство Оренбургского уезда».

А вот иные, дополнительные сведения.

В 1829 году в Оренбургской губернии вспыхнула эпидемия холеры. И. А. Соколов был среди врачей, борющихся с этой болезнью. В то время причины возникновения холеры были еще не известны. Применявшиеся способы лечения давали небольшой эффект. Врачи, по просьбе Медицинского департамента, вели наблюдения за ходом болезни и писали свое мнение о причинах ее и способах лечения. Одно из таких описаний было составлено штаб-лекарем И. А. Соколовым и напечатано в журнале Министерства внутренних дел под названием: «Описание холеры, явившейся в Оренбурге в сентябре 1829 г., лекаря Соколова». Врач А. В. Попов, член Оренбургской ученой архивной комиссии, изучавший эпидемию холеры в Оренбургском крае и опубликовавший в 1910 году специальное исследование, писал, что работа лекаря И. А. Соколова «представляет самый полный очерк из всех описаний холеры, во всех отношениях замечательный и для нашего времени».

Любопытные сведения об И. А. Соколове, своем деде, сообщает и Д. Н. Соколов — его внук по отцу.

В своем исследовании «Пушкин в Оренбурге» Д. Н. Соколов пишет, что, по сохранившемуся в их семье преданию, «Пушкин во время своего приезда в Оренбург беседовал о пугачевском бунте с моим дедом, И. А. Соколовым. В бумагах последнего сохранились отрывки исторического романа из времен пугачевщины и предшествовавшего ей бунта 1771 года в Уральске; их было несколько тетрадей-чернозиков и несколько глав, переписанных набело. Сохранились и обрывки записей по истории Оренбургского края XVIII века. Предание наше гласит, что дед мой задумал писать историю пугачевского бунта, но, повидавшись с Пушкиным и узнав, что сам Пушкин ею занят, уступил ему все пригодное из своего материала, а сам, чтобы использовать свои труды, стал писать исторический роман. До этого времени он писал только стихами... В январе 1853 года казанский профессор Брандт, по просьбе П. В. Анненкова, который тогда готовил свое издание сочинений Пушкина, обратился к моему отцу, тогда студенту Казанского университета, с вопросом — не может ли он доставить для Анненкова сведения о пребывании Пушкина в Оренбурге по оставшимся после деда записям. Оказалось, однако, что записки деда после смерти его были уничтожены его родственниками».

Перед нами врач, питомец Московского университета, образованный человек. Он интересуется литературой, пишет стихи, роман, собирает материалы по восстанию Е. Пугачева, собирается даже писать историю восстания. Согласно преданию, его посещает А. С. Пушкин в Оренбурге, и И. А. Соколов передает ему свои материалы о восстании Е. Пугачева.

Все эти черты И. А. Соколова делают вполне понятным наличие у него маски А. С. Пушкина. Однако остается все же загадкой — каким образом эта редкая маска, отлитая всего не более чем в 15 экземплярах, оказалась в Оренбурге у И. А. Соколова вскоре после 1837 года. (Вспомним, что И. А. Соколов умер в 1845 году). Пока у нас